

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Coe) 44
Д25

Melissa de la Cruz
ALEX AND ELIZA: A LOVE STORY

This edition published by arrangement with G.P. Putnam's Sons,
an imprint of Penguin Young Readers Group, a division
of Penguin Random House LLC

Печатается с разрешения G.P. Putnam's Sons, импринт Penguin Young
Readers Group, Penguin Random House LLC

Д25 **де ла Круз, Мелисса.**
Алекс & Элиза : [роман] / Мелисса де ла Круз ;
пер. с англ. И. Меньшаковой. — Москва : Издательст-
во АСТ, 2020. — 384 с. — (Любовь вне времени).

ISBN 978-5-17-119692-9

1777 год. Олбани, Нью-Йорк.

Пока вокруг все еще слышны отголоски Американской рево-
люции, слуги готовятся к одному из самых грандиозных событий
в Нью-Йорке: балу семьи Скайлер.

Они потомки древнейшего рода и основателей штата. Вторая
их гордость — три дочери: остроумная Анжелика, нежная Пегги
и Элиза, которая превзошла сестер по обаянию, но скорее будет
помогать колонистам, чем наряжаться на какой-то глупый бал,
чтобы найти жениха.

И все же она едва сдерживает волнение, когда слышит о визи-
те Александра Гамильтона, молодого беспечного полковника
и правой руки генерала Джорджа Вашингтона. Хотя Алекс при-
был с плохими новостями для Скайлеров, эта роковая ночь, когда
он встречает Элизу, навсегда меняет ход американской истории...

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Coe) 44

ISBN 978-5-17-119692-9

Copyright © 2017 by Melissa de la Cruz
All rights reserved including the right of repro-
duction in whole or in part in any form.
© И. Меньшакова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Посвящается
Мэtti, которая так хотела
узнать о них больше...*

Любимый Вами, я буду счастлив всегда, смогу с достоинством и твердостью встретить любой удар судьбы.

Тем не менее я не могу не умолять Вас обдумать прежде все недостатки нашего союза и оценить, не обманывая себя, надолго ли вы сможете сохранять нежные чувства ко мне и быть счастливой, без привычного для вас изысканного окружения. Если судьба будет к нам благосклонна, то готовность к невзгодам не станет помехой благоденствию, но, если она отвернет от нас свой лик, мы будем готовы принять ее немилость без недовольства и разочарования. Ваше будущее положение в руках слепого жребия; со мной Вы можете как достичь высот, так и вести скромную, простую жизнь, причем второе более вероятно.

Внимательно загляните в свое сердце.

*Письмо Александра Гамильтона
к Элизабет Скайлер,
август 1780 года.*

ПРОЛОГ

Особняк на холме
Олбани, штат Нью-Йорк
Ноябрь 1777 года

Словно греческий храм, выстроенный в наши дни, особняк семьи Скайлер расположился на вершине пологого холма в пригороде Олбани.

Построенное не более десятка лет назад, великолепное поместье под названием «Угодья», тем не менее, уже считалось одним из лучших владений столицы штата Нью-Йорк, в немалой степени благодаря изысканности внутренней отделки и мебелировки. Но главным украшением особняка, безусловно, являлась композиция «Руины Рима», написанная в технике гризайль* на настенных обоях в бальном зале второго этажа, привезенных Филиппом Скайлером из его годичного турне по Европе в 1762 году.

На местное общество, определенно, производили впечатление и размеры поместья, и его эlegantность,

* Гризайль (фр. *Grisaille* от *gris* — серый) — вид живописи, выполняемой тоновыми градациями одного цвета, чаще всего сепии или серого, а также техника создания нарисованных барельефов и других архитектурных или скульптурных элементов. В гризайли учитывается только тон предмета, а цвет не имеет значения. — Здесь и далее прим. пер.

но более всего поражало выдающееся происхождение его хозяев, генерала и госпожи Скайлер. Филипп был потомком союза семей Скайлеров и ван Кортландов, входивших в число старейших и знатнейших семейств Нью-Йорка, а его жена, Кэтрин, была из ван Ренсселеров, самой влиятельной семьи в северной части штата, чьи корни уходили напрямиком к первым голландцам, высадившимся на этом берегу в начале XVII века. Ренсселервик, как звалось их поместье, занимал более полу-миллиона акров — необъятные владения, соперничать с которыми могло бы разве что имение семьи Ливингстон, владеющей, по насмешливому утверждению Кэтрин, «нижней частью» штата. Будучи замужней дамой, Кэтрин не имела прав на имущество семьи ван Ренсселер (как, впрочем, и на имущество мужа), но ходили слухи, что именно ее весьма значительное приданое позволило оплатить постройку особняка в Олбани и к тому же сельского поместья Скайлеров под Саратогой.

На пороге своего сорок четвертого дня рождения генерал Филипп Скайлер оставался весьма привлекательным мужчиной, высоким и подтянутым, с военной выправкой и шапкой густых волос, которые он, как и Джордж Вашингтон, слегка подвивал и припудривал, редко снисходя до элегантного (но вызывающего нестерпимый зуд) парика. В качестве командующего Континентальной армией Вашингтона Скайлер провел блестящую кампанию против британских войск в Квебеке в 1775 году, но вынужден был уйти в отставку в июне того же года после сдачи форта Тикондерога, находившегося под его началом. Для Филиппа это поражение стало

трагедией вдвойне. Британцы не только заняли форт, они еще и захватили ранее упомянутое поместье под Саратогой. Пусть и не столь великолепное, как особняк в Олбани, второе владение Скайлеров было все же достаточно роскошным для того, чтобы стать личной резиденцией Джона Бергойна, командующего британскими войсками. Но последней каплей стало то, что после взятия Саратогой Континентальной армией в октябре раздосадованный Бергойн, отступая, сжег и дом, и поля вокруг. Генерал Скайлер потратил почти все приданое жены на то, чтобы выстроить дом и засеять поля, которые должны были обеспечивать значительную часть дохода. И их утрата нанесла серьезный удар по благосостоянию семьи, бросив зловещую тень на ее будущее.

Не то чтобы это бросалось в глаза стороннему наблюдателю... Непривычный к безделью, генерал Скайлер последние четыре месяца провел, слоняясь по «Угодьям», пытаясь разбить новые клумбы в четко спланированном английском парке, систематизируя урожай садов с присущей военным дотошностью, руководя сооружением газебо*, домиков для гостей и коттеджей для слуг — в общем, путаясь под ногами в равной степени и у членов семьи, и у работников. Сделав широкий жест, говорящий о рыцарстве, — а также об одолевающей его скуке, — Скайлер предложил разместить в «Угодьях» пленного Джона Бергойна до его отправки на родину. Таким образом, прежний соперник Скайлера и его окружение, около двадцати крепких парней, «захватили»

* Gazebo (с англ.) — беседка.

особняк в Олбани на целый месяц, и пусть жечь его, уезжая, не стали, но вот проесть солидную брешь в запасах принявшей их семьи смогли.

Кэтрин Скайлер, будучи на год моложе мужа, в юности считалась весьма привлекательной, но тринадцать беременностей за двадцать лет не могли не оставить следа на ее прежде осиной талии. Практичная, волевая и сильная духом, эта женщина похоронила шестерых детей, в том числе и тройняшек, не доживших даже до первого причастия. И если беременности лишили ее фигуры, похороны детей стерли с ее лица улыбку, и вид того, как муж растрчивает семейные средства, вряд ли мог поспособствовать ее возвращению.

Любовь госпожи Скайлер к тем семерым отпрыскам, что остались в живых, была заметна в заботе, которой она их окружила, начиная от самолично отобранных кормилиц и нянек, растивших детей, заканчивая наставниками, приглашенными, чтобы дать им образование, и поварами, нанятыми, чтобы обеспечить им здоровое питание. И как-то незаметно в обыденном круговороте рождений и смертей, деклараций и прокламаций, военных действий и времен года три девочки Скайлеров достигли брачного возраста.

Анжелика, старшая, была острой на язык, озорной брюнеткой, с блестящими глазами и губами, вечно изогнутыми в лукавой усмешке. Пегги, младшая, выросла нежной красавицей, с талией такой тонкой, что корсет ей не требовался, с алебастровой кожей и копной сияющих темных волос, слишком роскошной, чтобы прятать

ее под пудрой или париком (что бы там в своем Версале ни носила Мария-Антуанетта).

Элиза, средняя дочь, обладала и остроумием Анжелики, и красотой Пегги. К тому же она отличалась разумностью и любовью к книгам, и, к вящему ужасу госпожи Скайлер, идеи революции и отмены рабства привлекали ее намного больше, чем мечты выйти замуж за какого-нибудь состоятельного полковника.

Мать представления не имела, что будет с ней делать.

Три дочери, каждая — бриллиант в своем роде (хоть Элизе и нужен был сильный духом мужчина, чтобы заставить засиять все грани ее души.) При обычных обстоятельствах выдать их замуж было бы вопросом дипломатических договоренностей с первыми семьями штата Нью-Йорк, стремящимися объединить кровь и капиталы, подобно европейской аристократии. Но достойных семей в штате насчитывалось немного, а слухи разносились слишком быстро. Вопрос оставался в том, как скоро все узнают, сколько Скайлеры потеряли под Саратогой, ведь тогда девочки станут второсортным товаром на брачном рынке. Необходимо было — и для их собственного будущего, и для будущего семьи, — чтобы они все вышли замуж удачно.

И, что намного важнее, необходимо было сделать это быстро.

Итак, госпожа Скайлер решила прибегнуть к стратегии, отлично послужившей ее матери в свое время.

Она устроила бал.

1

СРЕДНЯЯ ДОЧЬ

*Особняк Скайлеров,
Олбани, штат Нью-Йорк
Ноябрь 1777 года*

Особняк на холме сиял тысячей огней. Каждое из двадцати окон, украшавших фасад здания, обращенный к реке, освещалось дюжинами свечей и ламп. Легкие тени скользили по шторам, словно копируя предпраздничную суету, в которую погрузился дом: слуги деловито переставляли мебель, чтобы освободить место для танцев, и накрывали столы легкими закусками и сладостями. В бальном зале второго этажа нанятые музыканты настраивали инструменты, вслушиваясь в малейшую фальшь. Наверху в личных покоях хозяева поместья стояли перед зеркалами, добавляя последние штрихи к своим бальным нарядам. На женщин уже надели фижмы и кринолины, а камзолы мужчин украсили кружевными манжетами и жабо.

По крайней мере, Элиза надеялась, что это были именно приготовления. Мать немилосердно отчитала бы их с сестрами, если бы они явились после прибытия гостей.

— Кто-нибудь уже приехал? — спросила она, шумно дыша под тяжестью своего груза. У каждой из сестер в руках были отрезы голубой шерсти и белого хлопка, пожертвованные состоятельными жительницами Олбани, чтобы сшить мундиры солдатам Континентальной армии.

— Вряд ли, — ответила, отдуваясь, Пегги, младшая. — Мы вышли от ван Бруков лишь в начале пятого, так что пяти быть еще не может. Мама приглашала гостей на пять.

— А мы-то знаем, что ни одна из дам Олбани не захочет прибыть на бал первой, — умудренно заметила Анжелика.

Элиза в сомнении прикусила губу.

— Пусть так, но войти нам лучше через черный ход. Если повезет, мама не заметит нашего возвращения.

Она почти ощущала на себе тяжесть строгого взгляда матери, пока они с сестрами, волоча четыре дюжины отрезков ткани, преодолевали все шестьдесят семь ступеней каменной лестницы, ведущей от подножья холма. На вершине же троица обошла особняк с южной стороны и двинулась через один из крытых портиков, соединявших главное здание с правым и левым крылом. Крыло с южной стороны занимал военный штаб их отца, и Элиза с удивлением отметила, что он освещен не менее ярко, чем главный дом. Мама пришла бы в ярость, если бы узнала о том, что папа работает прямо перед балом.

— Родители этим утром не ссорились? — уточнила она у сестер. — Даже думать не хочется, что папа может пропустить бал из-за каких-нибудь разногласий.

— Надеюсь, нет, иначе нас ждет унылый вечер. То, что мама считает пристойной музыкой, пристойнее всего звучало бы на панихидах. Есть в ней нечто похоронное, — заявила Анжелика, недовольно фыркнув.

— Дот ничего не говорила? — спросила Элиза у Пегги, которая была на короткой ноге с горничной их матери.

Кому-то могло показаться странным, что прислуга, вероятно, знала больше девушек об отношениях между их родителями. Но Скайлеры, как и требовало того положение в обществе, были семьей строгих правил, к тому же довольно занятой, и, хотя в доме было семеро детей, для них абсолютно нормальным считалось встречаться друг с другом лишь за ужином. Слуги, напротив, все время что-то обсуждали, горничные, лакеи и работники с полей постоянно сообщали друг другу новости из жизни поместья. Потому-то Дот и была более осведомлена о нынешнем положении дел в семейных отношениях хозяев поместья. А крепкий и по-своему нежный брак Скайлеров требовал недюжинных дипломатических ухищрений, вполне сравнимых с теми, что посол Франклин прямо сейчас использовал при дворе Людовика Шестнадцатого, чтобы привлечь французов на свою сторону в борьбе с Англией.

Пегги нахмурилась.

— Дот и впрямь упоминала, что Роджер — камердинер их отца — говорил, будто генерал ждет бала с не меньшим нетерпением, чем госпожа.

— Но мама наверняка серьезно рассердится на него за то, что он скрылся в штабе, а не помогает ей с приготовлениями, — сказала Анжелика.

— Чепуха, — заявила Элиза, — мама, скорее всего, счастлива, что он не путается под ногами.

Пегги добавила, судорожно пытаясь выглянуть из-за кучи ткани в руках:

— Во всяком случае, Роджер сказал, что папа ждал приезда адъютанта генерала Вашингтона.

— Что?! — хором воскликнули старшие сестры.

Элиза остановилась так внезапно, что Анжелика врезалась в нее.

— Папа возвращается на службу?

С тех самых пор, как его отправили в отставку после потери форта Тикондерога, генерал Скайлер писал бесчисленные обращения с просьбами доверить ему еще одну кампанию. Вся семья ощущала на себе его расстройство, и, видит Бог, им пришлось бы очень кстати генеральское жалование, но даже Элиза со всем своим патриотизмом была счастлива, что отец больше не участвует в сражениях.

— Дот сказала, что Роджер об этом не говорил, — ответила Пегги, подразумевая, что Роджер не знал сам — камердинер господина Скайлера был неудержимым сплетником, чего сам генерал почему-то не замечал, а вся остальная семья терпела, дабы иметь доступ к свежим новостям. — Но, правда, он упомянул...

Пегги многозначительно замолчала. На лице ее заиграла легкая улыбка.

— Да? — поторопила ее Элиза. По лицу сестры она догадалась, что та готовится преподнести им порцию свежайших слухов.

— Рассказывай!

— Адъютант, едущий на бал, — это полковник Гамильтон, — пискнула Пегги.

Анжелика подняла бровь, а Элиза попыталась скрыть предательский румянец. Как и всякая барышня из любой достойной американской семьи, Элиза слышала рассказы о самом молодом и самом доверенном адъютанте генерала Вашингтона — полковнике Александре Гамильтоне, который, если верить слухам, был невероятно хорош собой и отчаянно смел. Полковника Гамильтона призвали в американскую армию еще подростком, всего через пару лет после того, как он вернулся в Северную Америку из богатой сахаром Вест-Индии. Одни говорили, что он сын шотландского лорда и мог бы претендовать на титул баронета и солидное состояние, если бы выбрал сторону лоялистов, другие утверждали, что на самом деле он — бастард, незаконнорожденный ребенок попавшего в немилость сына одного из британских аристократов (ведь их там немало!), без имени и без гроша.

Тем не менее *достоверно* известно было лишь то, что полковник Александр Гамильтон, двадцати одного года от роду, был необычайно умен и зарекомендовал себя как блестящий эссеист, еще когда учился в Королевском колледже Нью-Йорка. Также было известно, что у него определенная репутация в отношениях с дамами. Давняя подруга Элизы, Китти Ливингстон, несколько раз встречавшая полковника на светских раутах, писала Элизе о нем после каждой такой встречи. Ей приходилось быть довольно осторожной в этих письмах (Сюзанна Ливингстон, мать Китти, любила посплетничать не меньше Кэтрин Скайлер), но все равно было понятно,

что она с этим молодым офицером отчаянно флиртует. Элизу забавляли письма Китти и весьма интересовал молодой человек, заставивший говорить о себе все американское общество.

Элиза бросила взгляд на окна отцовского штаба в надежде хоть мельком увидеть знаменитого молодого полковника, но не смогла различить ни одной фигуры в комнате, лишь смутные, колеблющиеся тени.

— Возможно, Черч представит нас. Уверена, они знакомы, — заявила Анжелика, имея в виду одного из своих поклонников, состоятельного мужчину, который практически не скрывал своего желания предложить ей руку и сердце. Старшая из сестер Скайлер была близка к тому, чтобы ответить согласием, ведь Джон Баркер Черч стремительно сколачивал один из самых крупных в стране капиталов, размеры которого были сопоставимы с состоянием ее отца (в те времена, когда британцы еще не спалили огромную его часть под Саратогой), а то и превосходили их. Но Анжелике слишком нравилось быть королевой балов, чтобы отказаться от этого так быстро.

— Будет забавно познакомиться с Гамильтоном, — продолжила старшая сестра. — В кои-то веки добавит вечеринке живости.

Элиза пожала плечами, удерживая на лице маску безразличия, но ее сестры хорошо знали, что прячется под ней.

— Может быть, надень ты сегодня что-нибудь более модное, тебе удалось бы привлечь его внимание, — сказала Пегги с хитринкой.

— И зачем мне это нужно? — возразила Элиза.

— Как любит говорить мама, на мед пчелы летят охотнее, чем на уксус, — отметила Пегги, напомнив о постоянных намеках матери на необходимость выбора подходящей партии — и как можно скорее.

— Да ладно, Пег, — отмахнулась Элиза, закатив глаза. — У меня нет никакого особого интереса к полковнику Гамильтону, просто банальное любопытство.

— Как скажешь, — согласилась Пегги, совсем не убежденная этими возражениями.

Ей не удастся скрыть свои чувства от сестер, поняла Элиза. Они знали ее слишком хорошо.

— Пег права, сегодня ты могла бы и постараться, — проворчала Анжелика. — Большинство девушек были бы счастливы иметь такую же фигуру. Так что тебе, по крайней мере, следует ее время от времени демонстрировать.

— Может, и так, — не стала спорить Элиза. — Но зачем стараться, если никто не посмотрит на меня, пока вы двое в зале?

Вопрос был задан искренне, без малейшего намека на ревность. Элиза гордилась сестрами-красавицами, а вот сама предпочитала прятаться в их тени.

— Ох, Элиза, отсутствие тщеславия — это, конечно, добродетель, но когда-нибудь ты должна будешь позволить нам помочь тебе засиять, — заметила Анжелика.

В отличие от этого спешшегося дуэта, Элизу не особо привлекала новая мода на утягивание талий, кринолины, напудренные декольте и высокие парики. Лишь месяц назад, отметив свое девятнадцатилетие, она начала носить простые платья насыщенного розового (который,